

Вступление

[к "Физиологии Петербурга, составленной из трудов русских литераторов, под редакцією Н. Некрасова"]

В. Г. Белинский. Собрание сочинений в трех томах. Т. II

ОГИЗ, ГИХЛ, М., 1948

Под общей редакцией Ф. М. Головешченко

Редакция С. П. Бычкова

OCR Бычков М.Н.

Русскую литературу часто упрекают за равнодушие к предметам отечественным. Это обвинение и справедливо и несправедливо. В самом деле, с одной стороны, много ли у нас книг, из которых можно было бы не только изучать, но и просто знакомиться с многочисленными сторонами русского быта, русского общества? Скажем более: где у нас эти книги? Их нет. Русская литература представляет едва ли не более материалов для изучения исторического и нравственного быта чужих стран, нежели России. Мы разумеем здесь произведения беллетристические, то, что составляет так называемую *легкую литературу*, которой назначение состоит в том, чтоб занимать досуги большинства читающей публики и удовлетворять его потребности. Произведения художественные, творения строгого искусства мы не причисляем к легкой литературе, а потому, говоря о бедности нашей литературы по части книг, которые знакомили бы русских с их собственным бытом, мы не имеем в виду тех поэтических созданий, которыми по справедливости всегда может гордиться русская литература и в которых отражается русское общество, каковы, например: комедии Фонвизина, "Горе от ума" Грибоедова, некоторые из стихотворных произведений Пушкина ("Граф Нулин", "Евгений Онегин", "Домик в Коломне", "Родословная моего героя"), несколько его же повестей и рассказов в прозе ("Пиковая дама", "Капитанская дочка", "Дубровский", "Летопись села Горохина" ⁴¹²), комедии, повести и роман ("Мертвые души") Гоголя, "Герой нашего времени" Лермонтова и, наконец, еще несколько произведений других более или менее замечательных талантов. Если бы таких сочинений было и гораздо меньше, нежели сколько можно было бы желать их, - все-таки нельзя жаловаться на их малочисленность, потому что явление великих талантов не зависит от воли или желания людей. Но выбор предметов, которым посвящают перо свое обыкновенные (и по тому самому и более многочисленные) таланты, может подвергаться упреку или неодобрению. И вот с какой точки зрения литература наша вообще навлекает на себя сильные упреки со стороны публики. В самом деле, у нас довольно романов исторических, которые хотят знакомить публику с прошедшим бытом России, в разные эпохи ее существования; довольно романов сатирических, нравоописательных, которые хотят знакомить ее с нравами современного общества; еще более у нас повестей в этом роде и целые томы нравоописательных, нравственно-сатирических и всяких юмористических статей. Но от этого нам нисколько не легче. В исторических романах мы не находим ничего, кроме исторических имен, и всего менее находим мы в них чего-нибудь похожего на древнюю Русь. Это просто-напросто ученические эскизы с романов Вальтера Скотта, эскизы, в которых историческая истина принесена в жертву несвойственному русской действительности романтизму. Сверх того, видно еще, что авторы изучили эпоху, которую брались изображать в своих романах, из "Истории государства российского" Карамзина, заглядывая в нее за несколько дней перед тем, как сажались за свою работу. Не лучше этих так называемых "исторических" романов и так называемые нравоописательные романы: не знаем, что в них есть, но знаем, что в них нет нравов русского общества и что все, о чем в них рассказывается, так же легко могло случиться, или - все равно - так же легко могло не случиться в Китае, в Абиссинии, под водою и на облаках, как и в России. В них нет ни сатиры, ни нравов, потому что нет взгляда на вещи, нет идеи, нет знания русского общества, а есть только мелочный сатиризм, школьное критиканство, устремленное не на дикие понятия, не на ревушие противоречия между европейскою внешностью и азиатскою сущностью, а на прически а la moutjik {По-мужицки. - *Ред.*}, на очки, на лорнеты, на усы, эспаньолки, бороды и тому подобные невинные принадлежности моды. В них фигурируют и рисуются герои добродетели и герои злодейства, которых имена напоминают собою пословицу: *по шерсти собаке и кличка*, и которые заранее дают знать читателю, с кем предстоит ему иметь дело; но в них нет людей, нет характеров, которые, в своей простоте и действительности, иногда бывают гораздо лучше всевозможных бумажных героев добродетелей, а иногда, от доброты сердца и без всякой злобы, делают больше зла, чем все на свете неестественные изверги порока. ⁴¹³ Таковы же и